

Эдит Несбит

Амброз Бирс

Рафаэль Сабатини

Роберт Льюис Стивенсон

Проспер Мериме

Герберт Уэллс

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Ги де Мопассан

КАНУН САМАЙНА

Теофиль Готье

МИО

МИФ Проза

Рафаэль Сабатини

Канун Самайна

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 82-344
ББК 84(0)

Сабатини Р.

Канун Самайна / Р. Сабатини — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281125-0

Самайн – древний кельтский праздник, знаменующий завершение сбора урожая и начало темной половины года. По поверьям, в эту ночь граница между миром живых и миром мертвых истончается – но готовы ли вы увидеть, что скрывается по ту сторону? В историях этого сборника случайное видение оказывается страшнее реальности, старый дом не отпускает гостей, через заколоченные окна просачивается ночной ужас, а зеркало навеки пленит душу. В книгу вошли рассказы «Дом с привидениями» Эдит Несбит, «Видение» Ги де Мопассана, «Заколоченное окно» Амброза Бирса и другие.

УДК 82-344
ББК 84(0)

ISBN 978-5-00-281125-0

© Сабатини Р., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Эдит Несбит. Дом с привидениями. Перевод З. Журавской	6
Ги де Мопассан	15
Видение. Перевод С. Иванчиной-Писаревой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Эдит Несбит, Ги де Мопассан,
Амброз Бирс, Эрнст Теодор Амадей
Гофман, Теофиль Готье, Герберт
Уэллс, Проспер Мериме, Роберт
Льюис Стивенсон, Рафаэль Сабатини
Канун Самайна**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Эдит Несбит. Дом с привидениями. Перевод З. Журавской

В Дом Привидений Десмонд попал совершенно случайно. Он шесть лет не был в Англии и, когда, взяв отпуск на девять месяцев, приехал взглянуть на родину, никак не мог разыскать старых друзей.

Он взял себе комнату в одном из предместий Лондона, известил о своем приезде всех добрых знакомых, адреса которых сохранились у него в памяти, и стал ждать откликов.

Ему до смерти хотелось поболтать с кем-нибудь по душам, а под рукой никого подходящего не было. От скуки он по целым дням валялся на диване, просматривая объявления, хотя и это было страшно скучно. Неожиданно серые глаза его блеснули радостью; он приподнялся, сел и перечел второй раз следующее объявление:

«ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ. Владелец приглашает желающих произвести расследование. Всякому представившему известные гарантии будет дана полная возможность проверки. Вильдон Прайор, 237, улица Музея. Лондон».

– Вот это удача! – воскликнул Десмонд. У него был приятель, Вильдон Прайор, лучший голкипер футбольного клуба. Фамилия довольно редкая. Наверное, это тот самый. Во всяком случае, попробовать стоит.

И он послал телеграмму:

«Вильдону Прайору, 237, улица Музея, Лондон. Не разрешите ли приехать к вам дня на два и взглянуть на привидение? Уильям Десмонд».

На другой же день пришел ответ по телеграфу:

«Очень рад – жду вас сегодня. Ехать надо на Криттенден, с Чаринг-Кросского вокзала. Телеграфируйте, каким поездом выезжаете. Вильдон Прайор, Ормхерстский ректорат, Кент».

– Ну вот и отлично, – говорил себе Десмонд, укладывая свои вещи и просматривая расписание поездов. – Я в восторге буду повидать старого приятеля.

Курьезный маленький омнибус, напоминающий каретки, в которых вывозят в море купальщиков, дожидался на станции Криттенден. Кучер, маленького роста смуглый человек с тупым лицом и какими-то жидкими глазами, осведомился: «Вы к мистеру Прайору, сэр?» – и, получив утвердительный ответ, втиснул его в каретку и запер дверь. Путь был долгий и менее приятный, чем показался бы, если б экипаж был открытый.

Последняя часть пути шла через лес, затем мимо церкви и кладбища, а затем каретка свернула в ворота, осененные старыми высокими деревьями, и подъехала к белому дому с длинными, без наличников окнами.

«Веселенькое местечко, нечего сказать», – подумал Десмонд, вываливаясь из каретки.

Возница поставил его саквояж на облезлое крыльцо и уехал. Десмонд дернул за ржавую цепь, и большой колокольчик затрещивал прямо над его головой.

Никто не шел открывать. Он позвонил еще раз. И опять никто не пришел, но наверху, над портиком, отворилось окно. Приезжий отошел немного, чтобы виднее было.

Из окна выглядывал молодой человек, растрепанный и с мутными глазами. Не Вильдон – ничего похожего на Вильдона. Он ничего не говорил, но как будто делал знаки, и знаки как будто говорили: «Уходите!»

– Я приехал повидать м-ра Прайора, – сказал Десмонд.

Окно моментально неслышно затворилось.

«Куда же это я попал? Уж не в сумасшедший ли дом?» – спрашивал себя Десмонд, снова дергая за ржавую цепь.

За дверью раздались шаги, стук мужских сапог о каменный пол. Отодвинули засов; дверь отворилась, и гость, уже начинавший сердиться, увидел перед собой пару темных ласковых глаз, и очень приятный голос спросил его:

– По всей вероятности, м-р Десмонд? Войдите, пожалуйста, и позвольте мне извиниться за то, что я заставил вас ждать.

Говорящий крепко пожал его руку и повел за собой по темному коридору в красивую, но довольно-таки запущенную комнату, уставленную полками с книгами.

– Присядьте, пожалуйста, м-р Десмонд.

Хозяин был человек уже в летах, хорошо одетый, красивый, с интеллигентным лицом, по всему – человек бывалый и светский.

«Это, должно быть, его дядя», – подумал Десмонд, усаживаясь в потертое, но замечательно удобное кресло.

– А как поживает Вильдон? – спросил он вслух. – Надеюсь, здоров?

Хозяин недоуменно посмотрел на него.

– Извините. Как вы сказали?

– Я спрашиваю, как поживает Вильдон.

– Я здоров, благодарю вас, – был учтивый, но суховатый ответ.

Теперь настала очередь Десмонда извиняться.

– Простите, мне не пришло в голову, что ваша фамилия может быть также Вильдон. Я говорил о Вильдоне Прайоре.

– Я и есть Вильдон Прайор. А вы, я полагаю, – эксперт, присланный сюда Обществом психологических исследований?

– Боже мой, ничего подобного! Я просто старый знакомый Вильдона Прайора. Очевидно, их два.

– Но ведь это вы телеграфировали? Это вы – м-р Десмонд? Общество психологических исследований обещало прислать эксперта, и я думал...

– Понимаю. А я думал, что вы – Вильдон Прайор, мой старый друг – молодой человек, – закончил он, приподнимаясь.

– Куда же вы? – остановил его Вильдон Прайор. – Без сомнения, вы говорите о моем племяннике. Он знал, что вы приедете? Да нет. Откуда же он мог знать? Что я такое говорю? Но, конечно, он будет очень счастлив видеть вас. Вы ведь останетесь погостить у нас? Если только не боитесь соскучиться со стариком. А я сегодня же напишу Вилли и попрошу его приехать сюда.

– Это очень любезно с вашей стороны. Я с удовольствием останусь. Я так обрадовался, когда прочел в газете фамилию Вильдона, потому что...

И он рассказал о своем приезде в Англию, о своем одиночестве и разочарованиях.

М-р Прайор слушал с интересом и сочувствием.

– Так вы и не разыскали ваших друзей? Как это грустно. Но они, наверное, просто еще не успели ответить. Вы, конечно, оставили свой адрес?

– Нет, представьте себе, забыл оставить. Но я сообщу хозяйке. Что, письмо сегодня еще может попасть на почту?

– Конечно! – успокоил его хозяин. – Напишите сейчас же. Мой человек снесет письма на почту, а затем мы пообедаем, и я вам расскажу о привидении.

Десмонд наскоро набросал несколько писем. Не успел он кончить, как вошел м-р Прайор и забрал его письма.

– Ну-с, а теперь пойдемте, я покажу вам вашу комнату – вы, наверное, не прочь отдохнуть с дороги. Обед у нас в восемь.

Спальня, отведенная гостю, как и гостиная, была меблирована старой, но дорогой и удобной мебелью.

– Надеюсь, вам будет хорошо здесь, – ласково сказал хозяин. И Десмонд нисколько не сомневался, что ему здесь будет хорошо.

* * *

Стол был накрыт на три прибора; прислуживал тот же темнолицый человек, который вез со станции Десмонда. Он стоял за стулом своего хозяина. Когда гость и хозяин сели, из мрака, в который была погружена комната за пределами желтых световых кругов, отбрасываемых свечами в серебряных подсвечниках, вышел третий – тот самый человек, который давеча делал Десмонду знаки в окно.

– Мой ассистент, м-р Верней, – отрекомендовал хозяин, и Десмонд чуть не отдернул руку, так неприятно было ему липкое, влажное прикосновение руки «ассистента». Но почему же «ассистент»? Может быть, м-р Прайор доктор, который берет к себе на пансион «платных гостей», у которых «не все дома»? Но ведь он сказал «ассистент»...

– Я думал, – заметил Десмонд, – что вы священник. Понимаете, в телеграмме вашей сказано: ректорат. Я думал, что мой приятель Вильдон гостит у дяди-ректора.

– О, нет. Ректорат сдан внаймы. Ректор находит, что там сыро. Да и в церкви не служат. Она очень ветхая, боятся катастрофы, а на ремонт нет денег. Лопец, дайте кларета м-ру Десмонду.

И смуглый камердинер с тупым неподвижным лицом налил гостю вина.

– А я нахожу это местечко очень удобным для моих исследований, – продолжал м-р Вильдон. – Я, видите ли, немного занимаюсь химией, м-р Десмонд, и Верней помогает мне.

Верней пробормотал что-то о том, что он горд возможностью быть полезным такому человеку, и умолк, не договорив.

– У каждого из нас есть свой конек; у меня вот – химия. К счастью, у меня есть небольшие средства, позволяющие мне жить, как мне нравится! Племянник – тот подтрунивает надо мной, но, смею вас уверить, это очень увлекательно.

После обеда Верней исчез, а гость и хозяин уселись перед камином «использовать горсточку тепла», как выразился м-р Вильдон, так как вечер был прохладный.

– А теперь, – сказал Десмонд, – расскажите мне о привидении.

Вильдон оглянулся.

– В сущности, это не настоящее привидение. Это только... со мной лично ничего подобного не было, но с Вернеем было – бедняга страшно напугался и с тех пор все никак не может прийти в себя.

Десмонд поздравил себя со своей проницательностью.

– И привидение появляется в той комнате, куда вы меня поселили?

– Комната, да, и собственно, личность тут ни при чем.

– Значит, увидеть его может каждый?

– Видеть его никто не видел. Это привидение не из тех, которых можно видеть и слышать.

– Должно быть, я глуп, но я не понимаю. Какое же это привидение, если его не видно и не слышно?

– Я же и не говорю, что это привидение. Я только говорю, что в этом доме не все ладно. Из-за этого я потерял уже нескольких ассистентов – это действовало на нервы.

– И что же с ними случилось, с ассистентами? – поинтересовался Десмонд.

– Не знаю; уехали. Я потерял их из виду, – был уклончивый ответ. – Нельзя же было требовать, чтобы они жертвовали мне своим здоровьем. Мне иной раз кажется – ах, эти деревенские сплетни – это убийственная вещь, м-р Десмонд! – мне иной раз кажется, что они уже заранее были так настроены, чтобы испугаться, – заработало воображение, ну и начала мерещиться всякая чертовщина. Надеюсь, Психологическое общество пришлет сюда неврастеника. Хотя, даже и не будучи неврастеником, можно... Впрочем, вы, м-р Десмонд, как трезвый англосакс, не верите ведь в привидения?

– Я не могу назвать себя истым англосаксом, – возразил Десмонд. – С отцовской стороны я чистой кельтской крови, хоть и знаю, что тип у меня не кельтический.

– А с материнской стороны? – с необычайной живостью спросил м-р Прайор, неожиданно проявив такой горячий интерес к теме, которая, казалось бы, не должна была интересовать его, что Десмонд удивился, и ему стало даже немножко неприятно. В первый раз милый ласковый хозяин не понравился ему.

– О, – пошутил он, – я думаю, что в моих жилах есть капля китайской крови – среди китайцев в Шанхае я чувствовал себя как дома, а они уверяли меня, будто свой нос я получил от прабабушки-индианки.

– Но негритянской крови в ваших жилах, конечно, нет? – допытывался Вильдон с настойчивостью, почти неучливой по отношению к гостю.

– Я и в этом не уверен, – был ответ. Десмонд хотел пошутить, но шутка как-то не вышла. – Мои волосы, вы видите, – они слишком курчавые для европейца, а предки моей матери столько поколений жили в Вест-Индии... Вы, по-видимому, интересуетесь расовыми различиями?

– Нет-нет, ничуть, – был неожиданный ответ, – но, разумеется, меня живо интересуют все детали вашей семейной истории. Я чувствую, – прибавил он с очаровательной улыбкой, – что мы с вами уже друзья.

Десмонд сам не сумел бы объяснить, почему ему стал меньше нравиться этот милый человек, который вначале показался ему таким привлекательным и у которого он с радостью остался погостить.

– Вы очень добры, – сказал он. – Это так мило с вашей стороны – принять участие в совершенно постороннем человеке.

М-р Прайор улыбнулся, вынул портсигар, смешал виски с содой и завел речь о доме.

– Он построен, несомненно, в тринадцатом столетии. Прежде это было аббатство. Между прочим, курьезную историю рассказывают о человеке, которому Генрих подарил его, когда уничтожал монастыри. На нем лежало проклятие... Впрочем, в основе всякой истории о привидении лежит проклятие...

Приятный, мягкий аристократический голос журчал как ручеек. Десмонду казалось, что он слушает, но на самом деле он отвлекся и лишь усилием воли заставил себя осмыслить только что прозвучавшие слова:

– ...И это была уже пятая по счету смерть... Каждые сто лет одна, и всякий раз такая же загадочная.

Затем он поднялся, чувствуя, что его страшно клонит ко сну, и услышал, точно со стороны, свой голос, говоривший:

– Эти старые сказки страшно интересны. Благодарю вас, очень. Надеюсь, вы не сочтете меня очень неучливым, но я лучше пойду к себе – я почему-то страшно устал.

– Конечно, конечно, дорогой мой.

М-р Прайор проводил Десмонда в его комнату.

– Все ли у вас есть, что вам нужно? Все? Отлично. Если начнете нервничать, закройте дверь на ключ. Разумеется, привидение пройдет и сквозь замок, но мне почему-то всегда казалось, что с замком надежнее.

И он опять засмеялся своим приятным ласковым смехом.

Уильям Десмонд лег в постель сильным, здоровым молодым человеком, правда, одолеваемым как никогда дремотой, но все же вполне здоровым. А проснулся слабым и дрожащим, настолько слабым, что от каждого движения его бросало в пот. Где он? Что случилось? Голова кружилась, мозг отказывался дать ответ. Он стал припоминать – и снова на него нахлынула та же антипатия к любезному хозяину, но на этот раз такая сильная, что его даже в жар бросило. Его опоили, отравили.

– Надо убираться подобру-поздорову, – сказал он себе и сел в постели, чтобы дотянуться до звонка, висевшего возле дверей, как он заприметил еще с вечера.

Но, как только он дернул за звонок, кровать, шкаф, и комната – все поплыло перед его глазами, и он лишился чувств.

Когда он пришел в сознание, кто-то подносил к его губам рюмку с коньяком. Перед ним стоял Прайор с искренним огорчением в лице. И рядом ассистент, бледный, с мутными, водянистыми глазами. А подальше темнолицый слуга, безмолвный, все с тем же тупым, недвижным лицом. Десмонд слышал, как Верней сказал Прайору:

– Вы видите, – я говорил вам, что это слишком много...

– Тсс, – цыкнул тот. – Он приходит в себя.

* * *

Четыре дня спустя Десмонд, лежа в плетеном кресле на лужайке, чувствовал себя еще слабым и несклонным к физическому напряжению, но уже не больным. Питательная диета, мясной бульон, подкрепляющие и тщательный уход – все это снова привело его приблизительно в нормальное состояние.

Свои смутные подозрения в ту, первую, ночь он помнил смутно и смутно удивлялся, откуда у него они взялись – они были так явно нелепы: его окружали здесь таким вниманием, такой заботой...

– Но что же со мной было? Отчего? – в десятый раз допытывался он у своего хозяина. – Чего ради я свалил такого дурака?

И на этот раз м-р Прайор не оставил его вопроса без ответа, как это было раньше.

– Боюсь, что привидение-таки действительно навестило вас. Я склонен изменить свой взгляд на него.

– Но почему же оно больше уж не приходило?

– Я ведь все эти ночи спал в вашей комнате, – был ответ. И действительно, больного уже не оставляли одного с тех пор, как он своим звонком поднял на ноги чуть свет всех живущих в доме.

– А теперь, – продолжал м-р Прайор, – не сочтите меня негостеприимным хозяином, но я бы посоветовал вам поскорее уезжать. Вам будет полезен морской воздух.

– Скажите, вы никаких писем для меня не получали?

– Ни единого. Правильный ли вы дали адрес? Ормхерстский ректорат, Криттенден, Кент.

– Не знаю, написал ли я «Криттенден». Адрес я списал с вашей телеграммы, – он вынул из кармана розовый листок.

– Нет, адрес верный: можно и так писать, – подтвердил хозяин.

– Вы были страшно добры ко мне... – начал Десмонд.

– Пустяки, голубчик. Я только жалею, что племянник мой не мог приехать. И даже не написал. Вот ветрогон. Только телеграфировал, что приехать не может, подробности письмом.

– Должно быть, завертелся где-нибудь, – с завистью вздохнул Десмонд. – Но послушайте, расскажите же мне о привидении, если только тут есть что рассказывать. Теперь я почти здоров, и надо же мне знать, что именно меня так напугало.

– Пожалуй. – М-р Прайор смотрел не на него, а на куртину далий и златоцвета, такого яркого под лучами осеннего солнца. – Теперь, пожалуй, это уж не повредит вам. Помните вы рассказ о человеке, которому Генрих VIII подарил эту усадьбу, и о проклятии, тяготевшем на нем? Жена этого человека похоронена в склепе под церковью. Ну, тут про нее ходят разные легенды, и, признаюсь, мне любопытно было взглянуть на ее могилу. В склеп ведут железные ворота, запертые, разумеется. Я отпер их старым ключом – а запереть опять уже не мог.

– Почему?

– Вы думаете, что мне следовало бы послать за слесарем? Да, конечно; но дело в том, что в церкви есть небольшой тайничок, и я пользовался этим тайничком, как дополнительной лабораторией. Если б я позвал слесаря, он заметил бы, пошли бы толки, и меня выставили бы из моей лаборатории – может быть, и из усадьбы...

– Я понимаю.

– Теперь самое курьезное, – Прайор понизил голос, – что так называемые привидения стали появляться в этом доме только после того, как я отворил ворота. Тут и начались всякие фокусы.

– Какие фокусы?

– А такие, что люди приезжали сюда и внезапно заболевали – вот как вы же. И всякий раз это, по-видимому, сопровождалось потерей крови. И, – он явно колебался, – вот эта ранка у вас на шее. Я вам сказал, что вы ушиблись при падении, когда потянули за шнурок звонка. Но это была неправда. На самом деле у вас на шее совсем такая же маленькая ранка с побелевшими краями, какие были у других. Хотел бы я, – он сдвинул брови, – хотел бы я снова как-нибудь запереть эти ворота. А ключ не поворачивается в замке.

– Может быть, я смогу вам помочь, – сказал Десмонд, убежденный в душе, что он действительно повредил себе шею при падении, а хозяин рассказывает ему басни. Но отчего же не исправить замок? Все-таки это будет хоть маленькое выражение признательности за всю ту любезность, которая была ему оказана. – Я ведь инженер, – прибавил он застенчиво и встал. – Может быть, достаточно просто смазать. Давайте, пойдем посмотрим.

Вслед за м-ром Прайором он прошел через весь дом в церковь. Блестящий, хоть и старый ключ легко повернулся в замке, и они очутились в церкви, сырой и пахнущей затхлостью; вокруг разбитых окон вился плющ, в отверстиях крыши виднелись синие просветы неба. Снова щелкнул ключ; м-р Прайор зажег свечу; распахнулась тяжелая дубовая дверь, и они стали спускаться по узкой крутой лестнице со стертymi ступенями, мягкими от пыли. Склеп был старинный, выстроенный еще при норманнах. В конце его была глубокая ниша, закрытая заржавленной железной решеткой.

– В старину думали, – пояснил м-р Прайор, – что железной решеткой можно удержать нечистую силу. А теперь вот замок не действует.

Он поднес свечу к двери, отворенной настежь.

Они вошли внутрь, так как замок был с другой стороны. Десмонд принес с собой перышко и масло и, повозившись минуты две, легко повернул ключ в обе стороны.

– Я знал, что исправить его не будет трудно, – сказал он, опускаясь на одно колено и разглядывая устройство замка.

– Можно взглянуть?

М-р Прайор занял место Десмонда, повернул ключ, вынул его и поднялся. Миг – и свеча вместе с подсвечником покатились со звоном на каменный пол, а старик кинулся на Десмонда.

– Ага! Теперь ты в моих руках! – рывкнул он не своим голосом, словно дикий зверь, наседа на него и вцепившись ему в горло своими сильными длинными пальцами.

Только что оправившемся от болезни молодому человеку не под силу было бороться с этой чисто звериной цепкостью. Старик стиснул его, словно в железных тисках. Откуда-то у него появилась веревка, которой он скрутил руки Десмонду.

Десмонду омерзительно вспомнить, что в первую минуту он завизжал, как пойманный заяц. Но потом вспомнил, что он мужчина, и закричал:

– Помогите! Сюда! Помогите!

Но ему мгновенно зажали рот и завязали его платком. Он лежал теперь на полу, прислонившись к чему-то головой. Прайор стоял над ним и говорил:

– Ну вот! – По голосу чувствовалось, что он задыхался, а спичка, зажженная им, озаарила каменные полки и на них какие-то длинные футляры – должно быть, гробы. – Ну вот и готово. Мне жаль, что пришлось прибегнуть к таким мерам, но наука выше дружбы, дорогой мой. Я вам сейчас все объясню, и вы увидите, что, как честный человек, я не мог поступить иначе. Особенно удобно для меня, конечно, что у вас нет друзей, которые бы знали, где вы. Я понял это с самого начала. Сейчас я все объясню. Я не надеюсь, что вы меня поймете. Но все равно. Скажу без хвастовства, после Ньютона величайшее открытие – мое. Я открыл способ изменять природу человека. Я могу сделать из человека все, что мне вздумается. При помощи переливания крови. Лопец – вы видели? мой человек, Лопец – я влил в его жилы кровь собаки, и он – мой раб, предан мне как собака. Верней тоже мой раб, частью благодаря собачьей крови, частью благодаря крови тех, кто приезжал сюда взглянуть на привидение, но есть в его жилах и несколько капель моей собственной крови, так как я хотел, чтобы он был умен и мог мне помогать! Но это еще не самое главное. Вы поймете меня, если я скажу вам...

Тут он начал распространяться о технических подробностях, употребляя много терминов, совершенно непонятных Десмонду, который думал только о том, как мало у него шансов убежать.

Умереть здесь, как крыса, попавшаяся в мышеловку! Если б хоть сорвать платок и крикнуть: «Помогите!»

– Слушайте же, когда вам говорят! – сердито крикнул Прайор и ударил его по спине. – Простите, голубчик, – тотчас же вкрадчиво прибавил он, – но это очень важно. Итак, вы видите, что жизненный эликсир – есть кровь. Кровь – это жизнь, и мое великое открытие состоит в том, что жизнь можно продлить до бесконечности и вернуть человеку молодость, – для этого нужно только взять кровь человека, соединяющего в себе помесь четырех великих рас – белой, черной, красной и желтой. Ваша кровь соединяет в себе все требуемые условия. Я в первую же ночь взял у вас ее, сколько мог. Вампир, видите ли, это был я, – он засмеялся. – Но ваша кровь не подействовала. Сонные капли, которые я вынужден был вам дать, по всей вероятности, убили в ней зародыши жизни. Да и мало было взято. Ну, теперь возьмем достаточно.

Десмонд все время терся головой о твердый предмет, находившийся позади его, и ослабил, наконец, узел платка настолько, что он соскользнул с головы на шею. Высвободив рот, он поспешил возразить:

– Это неправда, что я говорил про китайцев и про все. Моя мать родом из Девоншира.

– Я не порицаю вас, – спокойно молвил Прайор. – И я бы лгал на вашем месте.

И он снова завязал пленнику рот. Свеча, снова зажженная и поставленная на каменный гроб, горела ярко, и при свете ее Десмонд видел, что длинные предметы на полках, действительно, были гробы, и не все каменные. Он спрашивал себя, что сделает этот сумасшедший с его телом, когда все будет кончено. Ранка на шее снова раскрылась. Он чувствовал, как кровь теплой струйкой течет по его шее. Чего доброго, опять лишится чувств. Похоже на то. Ах, если б удержаться!

– Жалко, что я не привел вас сюда в первый же день, – это Верней настоял, чтобы я сперва попробовал маленькими порциями. Совершенно напрасно – чистейшая потеря времени.

Десмонд смотрел, чувствуя, что слабеет с каждым мигот, – смотрел и не верил своим глазам – и не знал, не галлюцинация ли это с ним от слабости. Положение его и без того было ужасное, а тут еще кошмары... Крышка одного из гробов приподнялась, и оттуда вылезало что-то белое, длинное, тонкое... Вот оно уже стоит рядом с гробом...

Как во сне, Десмонд хотел крикнуть – и не мог. Если б хоть пошевелиться – может быть, кошмар рассеялся бы... Но, прежде чем он успел собраться с духом, то – белое, страшное – кинулось на Прайора и вместе с ним покатилося на пол в упорной, безмолвной борьбе. Последнее, что слышал Десмонд, перед тем как потерять сознание, был отчаянный крик Прайора, который обернулся и увидел насевшую на него фигуру в саване...

– Не волнуйтесь. Все благополучно, – услышал он, придя в себя. Над ним стоял, нагнувшись, Верней с бутылкой коньяка в руках. – Больше вам ничто не угрожает. *Он* связан и заперт в лаборатории. Не бойтесь, – прибавил он, заметив направление взгляда Десмонда, пугливо уставившегося на гробы. – И тут ничего страшного нет, это был я. Иного способа спасти вас я не мог придумать. Ну что? Теперь оправились вы? Можете идти? Обопритесь на меня. Вот так. Я отворил решетку. Идемте.

* * *

Десмонд жмурил глаза, глядя на солнце, которое он уже не надеялся больше видеть. Он снова сидел в своем плетеном кресле. Невольно он взглянул на песочные часы. Вся эта история заняла не больше пятидесяти минут.

– Объясните мне, – взмолился он.

И Верней вкратце рассказал ему.

– Я пытался вас предостеречь – вы помните – из окна. Вначале я сам верил в *его* эксперименты – притом же, *он* кое-что знал обо мне – и молчал. Это случилось, когда еще я был очень молод. Богу известно, я искупил это сторицей. Когда вы приехали, я только-только успел дознаться, что произошло с теми, другими... Это животное, Лопец, проболтался спяну. Вот еще скотина! В первую же ночь у нас вышла ссора с Прайором, и он мне обещал не трогать вас. И не исполнил обещания.

– Почему вы мне не сказали?

– Как же я мог вам сказать, когда вы были едва живы? *Он* обещал мне усадить вас, как только вы оправитесь. И все-таки *он* был добр ко мне... Но, когда я услышал ваш разговор с ним про ворота и решетку, я понял, чем это пахнет, – завернулся в саван и...

– Но почему вы не вышли раньше?

– Не смел. *Он* без труда одолел бы меня, если б знал, кто на него напал. *Он* сильный. Притом же, он все время был в движении – надо было выбрать удобный момент. Я на то и рассчитывал, что *он* струсит, когда увидит, что на него налетел мертвец, вышедший из гроба. Ну, а теперь пойду запрягать. Надо отвезти вас в Криттенден и сдать полиции. Пусть пришлют за ним и засадят его в сумасшедший дом. Все ведь отлично знают, что он сумасшедший, но ведь надо было дожидаться, пока он чуть не убил человека, чтобы иметь право засадить его. Таков закон.

– Но как же вы? Разве полиция?!

– Теперь мне нечего бояться. Никто не знал про это, кроме старика, а он теперь если и начнет болтать, кто же ему поверит? Нет, ваших писем он, разумеется, не отправлял и не писал вашему другу, а эксперта от Психологического общества отправил обратно. Не могу найти Лопеца – он, должно быть, пронюхал недоброе и заперся у себя.

Его нашли у запертой решетки склепа, когда полдюжины полицейских пришли за его господином. Хозяин был так же нем, как и слуга. На вопросы он не отвечал. Никаких показаний от него не добились. Больше от него никто не слышал ни слова.

Ги де Мопассан

Видение. Перевод С. Иванчиной-Писаревой

Под конец дружеской вечеринки в старинном особняке на улице Гренель разговор зашел о наложении секвестра на имущество в связи с одним недавним процессом. У каждого нашлась своя история, и каждый уверял, что она вполне правдива.

Старый маркиз де ла Тур-Самюэль, восьмидесяти двух лет, встал, подошел к камину, облокотился на него и начал своим несколько дребезжащим голосом:

– Я тоже знаю одно странное происшествие, до такой степени странное, что оно преследует меня всю жизнь. Тому минуло уже пятьдесят шесть лет, но не проходит и месяца, чтобы я не видел его во сне. С того дня во мне остался какой-то след, какой-то отпечаток страха. Поймете ли вы меня? Да, в течение десяти минут я пережил смертельный ужас, оставшийся в моей душе навсегда. При неожиданном шуме дрожь проникает мне в самое сердце; если в темноте сумерек я неясно различаю предметы, меня охватывает безумное желание бежать. И наконец, я боюсь ночи.

О, я никогда бы не сознался в этом, если бы не был в таком возрасте! Теперь же я во всем могу признаться. В восемьдесят два года позволительно не быть храбрым перед воображаемыми опасностями. Перед реальной опасностью я никогда не отступал, сударыни.

Эта история до такой степени все во мне перевернула, вселила в меня такую глубокую, такую необычайную и таинственную тревогу, что я никогда о ней даже не говорил. Я хранил ее в тайниках моего существа, там, где прячут все мучительные позорные тайны, все слабости, в которых мы не смеем признаться.

Я расскажу вам это приключение так, как оно случилось, не пытаюсь объяснить его. Конечно, объяснение существует, если только я попросту не сошел на время с ума. Но нет, сумасшедшим я не был – и докажу вам это. Думайте, что хотите. Вот голые факты.

Это было в июле 1827 года. Я служил в руанском гарнизоне.

Однажды, гуляя по набережной, я встретил, как мне показалось, своего знакомого, но не мог вспомнить, кто он. Инстинктивно я сделал движение, чтобы остановиться. Незнакомец, заметив это, посмотрел на меня и кинулся мне в объятия.

Это был друг моей юности, которого я очень любил. В течение пяти лет, что мы не виделись, он словно постарел на пятьдесят лет. Волосы у него были совершенно седые, он шел сгорбившись, как больной. Увидев, как я удивлен, он рассказал мне свою жизнь. Его сломило страшное несчастье.

Влюбившись до безумия в одну девушку, он женился на ней в каком-то экстазе счастья. После года сверхчеловеческого блаженства и неугасающей страсти она вдруг умерла от болезни сердца, убитая, несомненно, такой любовью.

Он покинул свой замок в самый день похорон и переехал в руанский особняк. Здесь он жил в одиночестве, в отчаянии, снedaемый горем и чувствуя себя таким несчастным, что думал только о самоубийстве.

– Так как я встретил тебя, – сказал он, – то попрошу оказать мне большую услугу. Съезди в замок и возьми из секретера в моей спальне, в нашей спальне, кое-какие бумаги, крайне мне необходимые. Я не могу поручить это какому-нибудь подчиненному или поверенному, потому что мне необходимы полное молчание и непроницаемая тайна. Сам же я ни за что на свете не войду в этот дом.

Я дам тебе ключ от этой комнаты – я сам запер ее, уезжая, – и ключ от секретера. Ты передашь от меня записку садовнику, и он пропустит тебя в замок...

Приезжай ко мне завтра утром, и мы поговорим об этом.

Я обещал оказать ему эту небольшую услугу. Для меня она была простой прогулкой, потому что имение его находилось от Руана приблизительно в пяти лье. Верхом я потратил бы на это не больше часа.

На другой день в десять часов утра я был у него. Мы завтракали вдвоем, но он не произнес и двадцати слов. Он извинился передо мной; по его словам, он был необычайно взволнован мыслью, что я попаду в ту комнату, где погибло его счастье. В самом деле, он казался необыкновенно возбужденным, чем-то озабоченным, как будто в душе его происходила тайная борьба.

Наконец он подробно объяснил, что я должен сделать. Все было очень просто. Мне предстояло взять две пачки писем и связку бумаг, запертых в верхнем правом ящике стола, от которого он дал ключ.

– Мне нечего просить тебя не читать их, – прибавил он.

Я почти оскорбился этими словами и ответил немного резко.

– Прости меня, я так страдаю! – пробормотал он и заплакал.

Я расстался с ним около часа дня и отправился исполнять поручение.

Погода была великолепная, и я поехал крупной рысью через луга, прислушиваясь к пению жаворонков и ритмичному постукиванию моей сабли о сапог.

Затем я въехал в лес и пустил лошадь шагом. Молодые ветви ласково касались моего лица. Иногда я ловил зубами зеленый листок и жадно жевал его в порыве той радости жизни, которая беспричинно наполняет нас шумным и непонятным счастьем, каким-то упоением жизненной силой.

Приблизившись к замку, я вытащил из кармана письмо к садовнику и с удивлением увидел, что оно запечатано. Я был так изумлен и рассержен, что готов был вернуться, не исполнив поручения. Но решил, что проявлять подобную обидчивость было бы дурным тоном. К тому же мой друг был так расстроен, что мог запечатать письмо машинально.

Имение казалось брошенным уже лет двадцать. Развалившийся и сгнивший забор держался неизвестно как. Аллеи поросли травой; цветочных клумб и грядок совсем не было видно.

На шум, который я поднял, стуча ногой в ставень, из боковой двери вышел старик и, казалось, удивился, увидев меня. Я соскочил на землю и передал письмо. Он его прочел, вновь перечитал, перевернул на обратную сторону, посмотрел на меня снизу вверх и, положив письмо в карман, спросил:

– Ну, так чего же вы желаете?

Я резко ответил:

– Вы должны это знать, если получили приказания от вашего хозяина. Я хочу войти в замок.

Казалось, он был сильно смущен. Он спросил:

– Значит, вы пойдете в ее... в ее спальню?

Я начинал терять терпение.

– Черт возьми! Уж не собираетесь ли вы учинить мне допрос?

– Нет... сударь... – пробормотал он. – Но... но комнату не открывали с тех пор... с тех пор... с самой смерти. Если вам угодно подождать меня пять минут, я... я пойду... посмотрю...

Я гневно прервал его:

– Что? Вы, кажется, смеетесь надо мной? Ведь вы не можете туда войти, если ключ у меня.

Он не знал, что еще сказать.

– В таком случае я покажу вам дорогу, сударь.

– Укажите мне лестницу и оставьте меня одного. Я найду дорогу и без вашей помощи.

– Но... однако... сударь...

На этот раз я окончательно взбесился.

– Вы замолчите или нет? Не то вам придется иметь дело со мной.

Я оттолкнул его и вошел в дом.

Сначала я миновал кухню, потом две маленькие комнатки, где жил этот человек с женой. Затем очутился в огромном вестибюле, поднялся по лестнице и увидел дверь, описанную моим другом.

Я без труда отпер ее и вошел.

В комнате было так темно, что в первую минуту я ничего не мог различить. Я остановился, охваченный запахом гнили и плесени, какой бывает в нежилых, покинутых помещениях, в мертвых покоях. Потом мало-помалу глаза мои освоились с темнотой, и я довольно ясно увидел огромную комнату, находившуюся в полном беспорядке, с кроватью без простынь, но с матрацами и подушками, причем на одной из подушек осталась глубокая впадина, как будто от локтя или головы, словно недавно еще лежавшей на ней.

Кресла казались сдвинутыми с мест. Я заметил, что одна дверь, должно быть, от стенного шкафа, была полуоткрыта.

Первым делом я подошел к окну и хотел отворить его, чтобы дать доступ свету. Но болты на ставнях до такой степени заржавели, что никак не поддавались.

Я попытался даже сбить их саблей, но безуспешно. Так как меня раздражали эти бесполезные усилия, а глаза мои в конце концов привыкли к полумраку, я отказался от попытки осветить комнату и направился к секретеру.

Я уселся в кресло, откинул крышку и открыл указанный мне ящик. Он был набит до краев. Нужны были только три пакета, и, зная их по описанию, я принялся за поиски.

Я напрягал зрение, стараясь разобрать надписи, как вдруг мне показалось, что я слышу или, вернее, чувствую за собой шорох. Сначала я не обратил на него внимания, думая, что это сквозной ветер шелестит какой-нибудь занавеской. Но через минуту новое, почти неуловимое движение вызвало во мне странное и неприятное чувство; легкая дрожь пробежала у меня по коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.